

Любое общество в процессе своего существования вырабатывает определенную модель отношения к труду как к процессу производства материальных благ. Содержательные принципы этой модели можно назвать трудовой этикой. Модель отношения к труду является важной составляющей исторической памяти, под которой мы понимаем передаваемые в процессе социализации опыт, практики и мировосприятие предыдущих поколений, воспроизводимые нашими современниками. Важно подчеркнуть, что императивы трудовой этики – как позитивные («Воля и труд человека дивные дива творят») – так и негативные («От работы кони дохнут», «Государство все равно обманет простого человека») – обусловлены не какой-то биологической или генетической склонностью к труду или, наоборот, лени, а вырабатываются в качестве функционального приспособления к тем или иным социальным и политическим условиям. Изменяются эти условия – изменяются и императивы трудовой этики, подчас в течение одного поколения. Так, А. Солженицын подробно описал, как в течение длительного времени царское правительство прилагало значительные усилия, чтобы приучить еврейское население империи к крестьянскому труду и военной службе, и как все эти усилия шли прахом благодаря тихому саботажу со стороны «облагодетельствуемых» евреев [1]. Однако пример государства Израиль опровергает любые предположения о какой-то «органической неспособности» евреев к этим занятиям. Таким образом, каждое поколение может вносить в историческую память свой собственный опыт, который включается в историческую память последующих поколений. В данной работе хотелось бы обратить внимание на особенности советской трудовой этики, ставшие, в конечном итоге, причинами ее фиаско и фиаско самого советского строя. Авторы не претендуют на всесторонний анализ поставленной проблемы, и статья носит во многом постановочный характер. Хронологические рамки работы охватывают весь период «советского эксперимента», но ограниченный объем заставляет нас отказаться от анализа опыта периода «военного коммунизма» и НЭПа и сосредоточиться на периоде конца 1920-х гг. – 1980-х гг., в течение которого различные практики, связанные с бесплатным трудом, а также трудом, оплачиваемым по заведомо заниженным расценкам, получили широкое распространение. Наиболее ярким примером использования бесплатного труда (или труда за символическую плату) был, конечно, ГУЛАГ. 11 июля 1929 г. СНК СССР принял специальное постановление об использовании труда заключенных. В начале 1930-х гг. главным объектом эксплуатации со стороны государства были не заключенные, а спецпереселенцы. Лишь за 1930-1931 гг. на спецпоселение было отправлено 1 803 392 человека (в подавляющем большинстве крестьян), в то время как в лагерях ОГПУ на 1 января 1932 г. содержалось 268 700 человек [2]. К 1940 г. лагерная экономика охватывала 20 отраслей народного хозяйства, среди которых ведущими были цветная металлургия (на ее долю приходилось 32,1% товарной продукции ГУЛАГа) и

лесозаготовки (16,3%). Зеки добывали 76 % всего олова, добываемого в СССР накануне Великой отечественной войны, 60 % золота, 46,5 % никеля, 40 % кобальта, 25 % лесоматериалов [3]. На 1 января 1949 г. в 67 исправительно-трудовых лагерях и 1734 колониях содержалось 2 356 685 заключенных, на 1 января 1953 г. – 2,6 млн. человек [4]. Главной пищей был хлеб (рабочая пайка составляла от 650 до 1220 г), но при 12-часовом рабочем дне этого питания не хватало, чтобы возместить затраты сил на тяжелую работу и борьбу с холодом. Поэтому стратегией выживания зеков было увиливание от тяжелого физического труда: «Губит не маленькая пайка, а большая». Положение колхозников в 1930 – 1940-е гг. можно назвать лучшим только по сравнению с положением заключенных (хотя существует апокрифический рассказ о колхознике, попавшем в лагерь и обрадовавшемся тому, что в лагере регулярно выдают пайку). Колхозное крестьянство несло ряд повинностей, отмененных или облегченных лишь во второй половине 1950-х – 1960-е гг. Каждый колхозник был обязан отработать в колхозе определенный минимум трудодней (единица учета рабочего времени). В 1939 г. постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР был определен обязательный годовой минимум трудодней для взрослых колхозников: 60-100 в год. Впоследствии он был увеличен и к моменту смерти Сталина составлял около 150 трудодней в год для женщин и 200 – для мужчин. За трудодни полагалось, конечно, некоторое вознаграждение, однако его размер обычно был невысоким, а нередко они вовсе не оплачивались (работа «за палочки», т.е. за отметку в тетради колхозного бригадира или учетчика). Как отмечалось американской исследовательницей сталинизма Ш. Фицпатрик, проблема заключалась в том, что могла существовать чудовищная разница в оплате трудодней в зависимости от плодородности региона, урожайности, величины обязательных поставок и производительности колхоза. В 1932 г. средний советский колхоз выдавал на трудодень 3,2 кг зерна, в 1937 г. – около 4 кг. При этом, например в Башкирии колхоз мог выдавать 8 кг зерна на трудодень, а в Ленинградской области – менее трети килограмма зерна [5]. В послевоенные годы положение было еще хуже: в 1947 г. колхозы Костромской области выдали от 0 (!) до 100 г. зерна на трудодень [6]. В 1950 г. средний двор в колхозах Коми АССР получил 0,64 кг. зерна на 1 трудодень. Были и денежные выплаты за трудодни: в среднем 108 руб. в 1932 г. и 376 руб. в 1937 г., но нередко колхозы не выдавали по трудодням наличных денег вообще (12 % колхозов в 1940 г.) [7]. Для сравнения заметим, что зарплаты высшей номенклатуры после отмены партмаксимума в 1933 г. были установлены на уровне 500 руб. в месяц, а к концу 1930-х гг. выросли до 2000 руб. в месяц; зарплаты промышленных рабочих, учителей, врачей составляли в это время 100 – 300 руб. в месяц, специалистов – 400 – 500 руб. [8] Окончательно систему оплаты по трудодням отменили лишь в 1969 г., когда колхозникам была гарантирована зарплата не реже раза в месяц. Кроме того, в трудовую

повинность колхозников также включались обязательства по гужевым, строительным работам, работе на лесоповале, ремонте дорог и т.д. В частности, до 1958 г. каждый колхозник должен был отработать 6 дней в году на строительстве и ремонте местных дорог. В 1933-1937 гг. на строительство и ремонт дорог было мобилизовано 79 миллионов человек, а также 161 тысяча автомобилей и 35 тысяч тракторов. Одним из авторов ранее отмечалась значительная роль бесплатного труда при создании советской нефтяной промышленности [9], прокладке нефтепроводов, а также роль дешевой нефти и газа в обеспечении потребностей стран социализма [10]. Со своего индивидуального хозяйства колхозники были обязаны платить государству денежный сельхозналог, в 1933 – 1938 гг. составлявший 15 – 30 руб. в год, а с 1939 г. взимавшийся по вмененной системе. С 1948 г. в «связи с ростом доходов колхозников от индивидуального подсобного хозяйства» и «по просьбам трудящихся» ставки этого налога повысились. Платить приходилось также за каждое животное, находившееся в хозяйстве. Если в 1940 г. норма доходности коровы оценивалась в 600 руб., то в 1948 г. – 3500 руб., свиньи – 300 и 1500 руб. соответственно, сотки картофельного огорода – 12 и 120 руб., козы или овцы – 40 и 350 руб. Поэтому многие колхозники вынуждены были переходить на содержание коз, названных «сталинскими коровами». Помимо уплаты сельхозналога, советское государство обязывало крестьян уплачивать обязательные страховые взносы, местные налоги, добровольное самообложение, а также приобретать облигации государственных займов. Кроме денежной части налогов, колхозники уплачивали со своего хозяйства государству и натуральные налоги (т.н. «государственные поставки»). Мясо, молоко, яйца, шерсть, картофель и др. поставлялись государству по символическим ценам: за 1 кг мяса государство платило колхознику 14 копеек, а в госторговле оно стоило 32 руб. за 1 кг в 1947 г. и 11,4 руб. в 1950 г. При этом от обязательных поставок не освобождались дворы, которые не имели мясных животных (это произошло лишь в 1954 г.) или кур (их можно было заменить денежными выплатами или иными продуктами). Лишь после смерти Сталина в 1953 г. государство снизило объемы таких поставок, на что колхозники отозвались поговоркой – «пришел Маленков, поели блинков». Окончательно же госпоставки были отменены в 1958 г. Отметим, что уровень соцобеспечения колхозников до 1964 г. был гораздо ниже, чем у городских жителей: они не имели ежегодных оплачиваемых отпусков, им не оплачивались больничные листы, не получали пенсии, колхозницам не предоставлялся оплачиваемый отпуск по беременности и родам. Основными инструментами, позволявшими государству в течение десятилетий пользоваться бесплатным трудом своих подданных (этот термин здесь уместнее, нежели понятие «граждане»), были насилие и пропаганда. Насилие было ответом государства и местных органов власти на активное и пассивное сопротивление граждан, не желавших бесплатно работать. Ш. Фицпатрик приводит ряд

свидетельствующих об этом отрывков из писем колхозников в «Крестьянскую газету»: «болтаются с угла в угол, а некоторые совсем категорически отказываются от работы под разными предлогами»; «... колхозники бросили колхозную работу, ушли на сторону или работают возле своих домов»; «... при таком руководстве и пьянке правления и бригадиров нет охоты ходить на работу» [11]. Массовые жестокости по отношению к сельским жителям, бывшие обычной практикой при сборе продразверстки, а впоследствии при коллективизации и раскулачивании, продолжались по отношению к колхозникам. М. Шолохов в письме И. Сталину описал избиения и пытки, которым подвергались жители станицы Вешенской, перечислив 17 способов, при помощи которых в буквальном смысле слова выбивался хлеб [12]. Представители местных властей напивались, сквернословили, избивали колхозников, угрожали им расстрелом [13]. Гораздо разрушительнее, чем эксцессы отдельных исполнителей, на крестьянское хозяйство действовал организованный террор. Хотя первая волна раскулачивания в 1930 г. имела наиболее сильный и драматический эффект, кампания 1931 г. превзошла ее почти вдвое. Всего раскулачено и сослано только в 1930-1931 г., по одним данным, около 381 026 семей общей численностью 1 803 392 человека, по другим же – 517 665 семей (2 437 062 человек). В 1932 - 1940 гг. в спецпоселения прибыло еще 489 822 раскулаченных. Около 90 тысяч кулаков погибли в пути следования и еще 300 тысяч умерли от недоедания и болезней в местах ссылки. Трудпоселенцы не получали часто никакой зарплаты, поскольку суммы, которые им начисляли, были ниже тех, которые удерживала администрация за постройку барачных, предоставление средств производства, профсоюзные взносы, государственные займы и т.д. Предприятия имели тенденцию рассматривать этих «полусвободных-полузаклученных» как бесплатную рабочую силу. В одном из докладов ОГПУ критиковалась позиция руководителей предприятий, которые заявляли своим работникам: «Мы могли бы вас вообще ликвидировать, в любом случае ОГПУ пришлет на ваше место еще сто тысяч таких, как вы!» [14] К институционализированному насилию следует отнести и введение уголовного преследования в связи с уклонением гражданина от обязанностей в сфере труда, предписанных ему государством. В 1942 г. устанавливается уголовная ответственность для колхозников, не выработавших обязательного минимума трудодней (ответственность предусматривалась в форме исправительно-трудовых работ на срок до 6 месяцев в том же колхозе с удержанием из оплаты до 25 % трудодней). В 1948 г. по инициативе Н. Хрущева (тогда первого секретаря ЦК Компартии Украины) Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни» (не публиковался, вероятно, по причине его очевидно антикрестьянского характера). Согласно этому Указу, колхозные

собрания получили возможность выселять колхозников, не выработавших минимума трудодней. За период действия Указа (1948 – 1953 гг.) было выселено 33 266 колхозников и 13 598 членов их семей [15]. Подобное насилие распространялось не только и не столько на колхозников: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. вводил 8-часовой рабочий день, 7-дневную рабочую неделю, а также запрещал самовольный уход с работы рабочих и служащих предприятий и учреждений (ранее рабочий день составлял 7-8 часов при шестидневной рабочей неделе). Уголовная ответственность вводилась за более чем двадцатиминутное опоздание на работу и выпуск некачественной продукции. Только в 1940 г. за нарушение этих законов было осуждено 3,3 миллиона рабочих, из которых 1,8 миллиона были приговорены к 6 месяцам исправительно-трудовых работ, а 322 тыс. – к тюремному заключению на срок от 2 до 4 месяцев [16]. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. предписывалась мобилизация в промышленность от 800 тыс. до 1 млн юношей и девушек путем обучения их в ремесленных училищах и ФЗО, а их выпускники должны были в обязательном порядке отработать четыре года на производстве. После начала Великой отечественной войны рабочий день был увеличен, введены обязательные сверхурочные работы (от 1 до 3 часов в день), отменены отпуска. В декабре 1941 г. мобилизованными объявили всех работников военной промышленности, в связи с чем самовольный уход с работы приравнивался к дезертирству. В 1942 – 1945 гг. проводились также мобилизации всего трудоспособного населения для работы на производстве и строительстве. Современные специалисты по трудовому праву отмечают, что «такое «антирабочее законодательство» не ввело ни одно другое государство, а большинство из них не сделали этого даже в условиях войны» [17]. Мобилизация молодежи в ремесленные училища и ФЗО была отменена лишь в 1955 г., а судебная ответственность рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и учреждений без уважительной причины – в 1956 г. Принуждение к труду на государство не ушло в прошлое вместе со сталинской эпохой. В период «оттепели» разрабатывается и принимается широко известный Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» (в просторечии – указ о борьбе с «тунеядцами») [18]. Под тунеядцами в Указе понимались трудоспособные лица, не занятые трудом, который признавался общественно полезным. Характерно, что «тунеядцами» стали признаваться люди, неугодные властям (самый известный случай – высылка Иосифа Бродского в 1964 г.). Менее известно то, что «тунеядцами» признавались не только люди, нигде в принципе не работающие; в эту категорию включались люди, занятые частнопредпринимательской деятельностью, «извлекавшие нетрудовые доходы», работавшие не на государство, а на себя. Согласно записке министра внутренних дел В.И.

Тикунова в Бюро ЦК КПСС по РСФСР, за год применения Указа от 4 мая 1961 г. было задержано 239 938 граждан, уличенных в тунеядстве, в т.ч. 47930 человек (20 %) характеризовалось как «частные предприниматели», а еще около 23 тыс. человек (9 %) «извлекали нетрудовые доходы» от эксплуатации земельных участков, жилой площади, автомашин [19]. Примечательно, что В.И. Тикунов особо отметил, что среди выявленных «тунеядцев» немало «плотников, столяров, печников, маляров, каменщиков, портных, сапожников, бондарей» [20]. Вот характерные случаи, приводимые в докладной записке министра юстиции В.А. Болдырева. Инженер-технолог Василенко, проживавший в г. Кизляре Дагестанской АССР, «оборудовал кролиководческую ферму и стал жить за счет приносимых ею доходов... Хозяйство этой семьи: 340 кроликов, корова, бык, собственный дом». По решению суда Василенко был выселен на 5 лет с конфискацией имущества, «нажитого нетрудовым путем». Некто Игнатов, до 1961 г. проживавший в г. Орехово-Зуево, «построив дом, самовольно увеличил участок и стал извлекать нетрудовые доходы». Не спасло его и то, что он работал пожарником; суд посчитал, что эта работа была лишь «для видимости», и Игнатов был выселен на 5 лет с конфискацией автомашины «Победа», нового дома и сада [21]. Уголовные преследования лиц, которые вели частнопредпринимательскую деятельность, продолжались в СССР вплоть до принятия Закона «О кооперации» в 1988 г., а некоторые из частных предпринимателей были освобождены лишь по амнистии, принятой Государственной Думой в начале 1994 г. [22] Поэтому вряд ли можно согласиться с мнением В. Магуна, что «трудовая идеология советского общества очень напоминала протестантскую трудовую этику» [23]. Конечно, определенное сходство имело место. И в протестантской, и в советской этике труд занимал важное место, обладая сакральным статусом. И в советской, и в протестантской этике осуждалось чрезмерное личное потребление. Желание быть бедным для протестантов, как подчеркивал М. Вебер, равносильно желанию быть больным и достойно осуждения [24]. Но принципиальная разница заключалась в том, что протестант трудился ради себя и своей семьи, а труд советского человека шёл преимущественно в «закрома Родины». Если же говорить о трансцендентном аспекте этих двух этик, то протестант усердным трудом зарабатывал свое личное спасение, советский же человек, как предполагалось, - «счастье будущих поколений». Те же, кто хотел работать на себя и зарабатывать, как было показано выше, преследовались. Насилие было важным, но не единственным инструментом принуждения к бесплатному труду. Идеальным вариантом было, когда гражданин не только и не столько боялся «Большого Брата» - но и любил бы его до слёз, интериоризировав заповеди коммунизма. (Примерно в то же время, когда Дж. Оруэлл описывал слезы Уинстона Смита, наконец возлюбившего Большого Брата, Борис Пастернак саркастично описал чувства «перековавшегося» интеллигента: «Это как если бы лошадь рассказывала, как

она сама объезжала себя в манеже»). В 1930-е гг. советская пропаганда интенсивно внедряла в качестве эталонов поведения целый пантеон героев: от вымышленного Павки Корчагина до вполне реальных Алексея Стаханова, Паши Ангелины, Марии Демченко. Шахтер с отбойным молотком изображен на купюре достоинством в 1 рубль 1938 г. выпуска. Важно подчеркнуть, что они представлялись именно как герои, чьи деяния находятся на грани (или даже за гранью) возможного. Современные сталинские апологеты (как С. Кара-Мурза), пожалуй, даже усиливают мистический ореол их деяний [25]. При этом важно подчеркнуть, что стахановское движение (а ранее было движение ударников) было именно движением, направляемым и инспирируемым сверху, но массовым движением. Каждый край, область, республика, город, даже каждое крупное предприятие во второй половине 1930-х гг. было обязано иметь своего стахановца – реального или фиктивного. Советский философ и историк В. Роговин (критически относившийся к сталинизму и симпатизировавший Л. Троцкому) отмечал, что «рекорды стахановцев... потому и выглядели столь ошеломляющими, что достигались на общем фоне слабого использования возможностей, заложенных в передовой технике. Вместе с тем многие стахановские рекорды явились результатом того, что впоследствии стало называться приписками. ... Сенсационное достижение Стаханова было достигнуто в силу замены прежней индивидуальной работы шахтеров (при которой каждый и рубил уголь, и крепил забой) бригадной организацией труда с разделением трудовых функций... Это было, несомненно, прогрессивным новшеством, и 102 тонны угля, выработанные звеном из трёх человек, представляли высокий экономический показатель. Однако администрация шахты, стремясь усилить впечатление от рекорда, приписала этот результат одному Стаханову. По тому же нехитрому принципу «оформлялись» и многие последующие рекорды: подсобные работы передавались подручным, конечный же результат приписывался кому-то одному, намеченному начальством в герои труда. При этом стахановцам создавались особо благоприятные условия работы, им передавали в первую очередь лучшее оборудование, механизмы и т. д.» [26] Предоставление стахановцам бытовых привилегий, более благоприятных условий для труда и создание культа стахановцев вызывало неприязненную реакцию в рабочей среде (отсюда выражение «горбатый стахановец») [27]. И понятно почему: каждый стахановский рекорд был чреват для других рабочих повышением норм выработки при снижении расценок. Но критики стахановского движения были сразу же объявлены врагами советской власти, оппортунистами и вредителями [28]. В декабре 1935 г. прокурор СССР приравнял антистахановские действия к терроризму, и хотя некоторые из «преступлений против стахановцев» - не более чем несчастные случаи [29], другие, вероятно, являлись ответной реакцией рабочих и служащих на намерение властей заставить их работать больше за ту же плату. Негативно относились к

инициативам стахановцев и колхозники. «Вы, стахановки, мешаете всему колхозу», - приводит Ш. Фицпатрик слова одного из бригадиров свекловодческого колхоза в Курской области [30]. Но при всех привилегиях, предоставляемых ударникам, передовикам и стахановцам доступ к дефицитным материальным благам в значительной мере определялся не личными трудовыми усилиями, а положением в социальной иерархии, причем «трудовые заслуги» на это положение не влияли или влияли в очень незначительной степени. Главным социальным лифтом служила комсомольская и партийная работа. Также в правящий слой СССР – номенклатуру, как отмечает Н. Восленский, попадали по протекции, знакомству, благодаря родственным связям или личной преданности, наконец, за взятку [31]. Во второй половине 1950-х гг. происходит важная перестановка пропагандистских акцентов. «Эпоха зрелищ кончена, идет эпоха хлеба, и перекур объявлен всем штурмовавшим небо». По мнению российских исследователей В. Михайлина и Г. Беляевой, акцент с «героев» и репрезентативных «трудовых подвигов» был перенесен на массовый энтузиазм. «С утратой права на незыблемый авторитет и соответствующим ослаблением легитимирующих иерархий пришлось переносить акцент на личную связь каждого гражданина СССР с общей священной идеей... Личный профессионализм, помноженный на личный энтузиазм, становится фирменным знаком эпохи» [32]. Вероятно, этот процесс был связан не с чьими-то субъективными желаниями, а с тем, что советское общество к концу 1950-х гг. становится другим, более индивидуалистичным. С этого же времени увеличивается и доля благ, предоставляемых советским гражданам из фондов общественного потребления, что отчасти компенсировало низкие доходы. Это бесплатное образование (хотя обучение в старших классах школ при Сталине было платным), бесплатная медицина, бесплатное предоставление жилья. При этом следует заметить, что доходы большинства советских граждан были слишком низки для приобретения жилья (те, кому позволяли средства, приобретали кооперативные квартиры), а отсутствие благоустроенного жилья вело к повышению социальной напряженности, чего власти после массовых волнений рабочих в Новочеркасске 1962 г. старались избегать [33]. Хотя в 1960-е – 1980-е гг. одни формы неоплачиваемого или недооплачиваемого труда исчезают или видоизменяются, получают распространение другие формы, в 1930-е – 1940-е гг., может быть, не столь заметные на фоне использования труда колхозников и заключенных. Это, в первую очередь, субботники – форма бесплатного труда, которая не только скрывалась, но, напротив, широко пропагандировалась и навязывалась как эталон социального поведения. Среди других форм – регулярная отправка учащихся и студентов на помощь колхозам. В каких-то случаях уборка урожая занимала неделю-другую, в каких-то – месяц, а в каких-то – и два месяца, как у школьников в Узбекистане. К помощи колхозам привлекались и рабочие и служащие промышленных предприятий. Конечно,

можно было уклониться и от поездки в колхоз, и от субботника, но это было и не всегда удобно по отношению к коллегам по работе или учебе, и чревато обострением отношений с непосредственным начальством. На протяжении всего советского периода определенную роль в народном хозяйстве также сохраняли труд заключенных и труд военнослужащих (по призыву). Вместе с тем было бы ошибкой полагать, что в 1991 г. были раз и навсегда были похоронены намерения властей различных уровней попользоваться бесплатным трудом граждан. Разве несвоевременные выплаты зарплаты рабочим, столь распространенные в 1990-е гг., не были фактически использованием бесплатного труда? До сих пор несвободный, неоплачиваемый или «недооплачиваемый» труд распространен в бюджетной сфере, во взаимоотношениях государства с малым и средним бизнесом, а также бизнеса с наемными работниками [34]. И совсем недавний пример: президенту РТ Р. Минниханову приходится убеждать (!) глав муниципальных образований, что фирмы, ремонтирующие школы, не надо обманывать: «Коллеги, надо быть порядочными, если вы заказываете – надо заплатить... А то давай пока работай, а там посмотрим!» [35] Работодатель хочет сэкономить на работнике, работник считает, что работодатель всё равно его обманет – и это взаимное недоверие образует тот порочный круг, что препятствует развитию страны.